

Любич Ефим Николаевич

**Из жизни. Рассказы и
наброски**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е91

Е91 **Ефим Николаевич Л.**
Из жизни. Рассказы и наброски / Любич Ефим Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 164 с.

ISBN 978-5-519-94346-8

ISBN 978-5-519-94346-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Затосковаль.

I.

Осенью рабочіе экономіи Корбина были изумлены, замѣтивъ, что ихъ кухарка Марѳа Горбатая, прозванная такъ за свою сутуловатость, толстѣетъ въ талии не по днямъ, а по часамъ. До сихъ поръ Марѳа, не смотря на то, что ей стукнуло 36 лѣтъ, считалась дѣвственницей. Сухая, длинная, съ сутуловатою спиною и продолговатымъ безцвѣтнымъ лицомъ—кому она могла приглянуться? Дня два пошутили, посмѣялись надъ ней, а потомъ привыкли, тѣмъ болѣе, что въ экономіяхъ подобные случаи заурядны. Только невольно самъ собою у каждаго возникалъ вопросъ: кто это позарился на нее?

А случилось это просто. Марѳа брала въ стирку бѣлье у конторскихъ служащихъ. По веснѣ какъ-то она понесла вымытое бѣлье одному изъ нихъ...

Конечно, потомъ она еще нѣсколько разъ носила ему бѣлье. Она нисколько не жалѣла о случившемся; сначала боялась затяжелѣть, но когда почувствовала, что тяжела, приняла, какъ необходимое, и это спокойно. Такъ-же спокойно она сносила и насмѣшки рабочихъ.

— Марео, а Марео! Скоро позовешь на крестины?—спрашивали ее уже зимою рабочіе.

— А идите вы всѣ къ чертовому батьку! Да если-бы вы были путные люди, такъ и говорить объ этомъ посовѣстились-бы; а то, сказано: «поганому выду ны срама, ны стыду!»—отвѣчала имъ резонно Марео.

Марео говорила это спокойно, считая себя вправѣ не только не стыдиться, а даже стыдить этихъ мужчинъ за то, что они говорили о томъ, о чемъ, по ея мнѣнію, имъ не слѣдуетъ говорить. И, какъ это ни покажется страннымъ, рабочіе поняли, что дѣйствительно смѣяться надъ этимъ стыдно, и уже до самыхъ родовъ деликатно обходили въ разговорѣ этотъ предметъ.

Въ одну изъ ночей Марео окликнула кого-то изъ рабочихъ и попросила его разбудить другихъ и выйти изъ хаты. Тотъ съ готовностью исполнилъ ея просьбу.

— Вставай! тормошилъ онъ спящаго.

— Чего?

— Да Марѳа...

— А! Сейчасъ!... догадывался каждый.

Поспѣшно всѣ кое-какъ одѣлись и вышли въ сѣни. Кто-то спохватился сбѣгать за бабкой; а то «одной — какъ-же: одной нельзя»!

И всѣ эти, смѣявшіеся надъ Марѳой, люди степенно дрогли въ холодныхъ сѣняхъ и съ сожалѣніемъ вздыхали, когда въ хатѣ слышались стоны.

— Вотъ оно, какъ тяжело матерямъ дѣти достаются!

— Э, не дай Богъ!

— Нашему брату что—ничего, а имъ вотъ отдувайся!

— Да!

Такъ шепотомъ перебрасывались они, сбившись въ кучку подальше отъ наружныхъ дверей, гдѣ не дуло.

— Слышали? Есть!...

— Ну?

— Тсс! Стойте! А вотъ...

— Хи-хи-хи!... Горластое! Дочку или сына Богъ далъ?

— А кто-жъ его знаетъ.

Теперь всѣ начали говорить громче,

какъ будто то, что могло быть оскорблено громкимъ говоромъ, прошло.

— А промерзъ я, хлопцы, здорово! гудѣлъ, уже не стѣсняясь, одинъ.

— Да вотъ бабка скажетъ, когда можно будетъ въ хату, а я тѣмъ часомъ пойду посмотрю на зорьки: много - ли ночи осталось?

Стучали ногами, кашляли. Наконецъ, пріотворилась дверь и бабка весело сказала: «Ну, теперь идите, теперь можно!»

— А кого Богъ далъ?

— Сына, сына, мои голубята.

— Такъ пускай-же растеть, да счастливъ будетъ! нестройнымъ гуломъ отвѣтили всѣ; нѣкоторые перекрестились...

Мальчика окрестили и называли Тимоеемъ. Когда онъ былъ въ люлькѣ и кричалъ—его забавляли всѣ рабочіе и всѣ пихали ему въ ротъ постоянно вываливавшуюся соску изъ чернаго хлѣба; сталъ ползать—опять, когда хотѣли утѣшить его—совали ему въ рученку кусокъ хлѣба; съ этимъ хлѣбомъ онъ заползалъ подъ лавку и тамъ съѣдалъ его, предварительно выкачавши въ грязи и пыли. Рубашенка на немъ была всегда грязная и мокрая. Отъ хлѣбной соски и затѣмъ отъ хлѣба у него

сдѣлался большой животъ. Не смотря на все это, онъ былъ здоровый ребенокъ и плакалъ рѣдко.

Съ комично - серьезнымъ выраженіемъ на грязномъ личикѣ онъ вылѣзалъ во время обѣда изъ - подъ лавки, мимо ногъ рабочихъ пробирался подъ столъ и давалъ о себѣ знать звукомъ «у». Если рабочіе, заговорившись, долго не замѣчали его присутствія, онъ такъ-же серьезно возвращался на свое мѣсто.

— Ты куда-же это, Тимохъ? иногда спрашивали его. Онъ пріостанавливался на серединѣ дороги и снова повторялъ свое «у». Его брали на руки и угощали борщомъ или иною снѣдью.

Полною самостоятельностью онъ сталъ пользоваться съ тѣхъ поръ, какъ научился ходить и держать ложку въ рукахъ. Три раза въ день въ обломокъ черепаднаго горшка ему наливали пищи, давали вдоволь хлѣба—въ остальномъ онъ предоставлялся самому себѣ. Приборъ его стоялъ подъ лавкой; тамъ онъ ѣлъ, дѣля свою трапезу съ котомъ, радушно угощая его изъ своей ложки, тамъ онъ душилъ этого-же кота и тамъ онъ засыпалъ одинокимъ къ вечеру. На ночь котъ уходилъ на печку, а заснув-

шаго Тимоѳея мать брала и укладывала подлѣ себя.

Время шло; рабочіе мѣнялись; Тимоѳей росъ. У него уже былъ цѣлый запасъ словъ, которыми онъ выражалъ то, что ему было нужно. Скучная была его жизнь и скудный запасъ словъ, но, все-же, онъ зналъ хорошо, какъ позвать мать, какъ—кошку, просилъ хлѣба, пить и зналъ, что всякій человѣкъ называется «дя».

Какъ-то разъ послѣ обѣда Тимоѳей обратился на себя общее вниманіе.

— Гляньте, Тимохъ Богу молится! Посмотрѣли — такъ и есть: стоитъ малышъ, неумѣло ручкою какъ будто крестится и головою киваетъ.

— Такъ, такъ, Тимохъ, молись Божѣ! одобряли его рабочіе: «сказано, дитя—и то Бога чувствуетъ».

Послѣ этого стали уже слѣдить за Тимоѳеемъ, и если онъ забывалъ послѣ обѣда перекреститься, его уже укоряли:

— Э, а Божѣ чего-же ты не молишься? И ребенокъ серьезно моталъ ручкою и кивалъ головою.

— Да не такъ, не такъ крестишься; вотъ какъ надо! Ему складывали пальчики и съ разстановкою говорили: «сначала на

любъ, потомъ вотъ сюда, потомъ сюда и сюда. Вотъ такъ! Ну, теперь самъ»!

Самъ Тимоѳей крестился по своему; но вскорѣ незамѣтно онъ научился креститься, какъ и всѣ. Рабочіе же потомъ, когда мальчикъ сталъ довольно сносно говорить, выучили его произносить «Отче нашъ»... Это не было то «Отче нашъ», которое знаютъ всѣ грамотные; рабочіе читали его такъ: «Оче нашъ еже ѣси на небесы» и т. д. Рѣдкое слово произносилось правильно, и съ перваго-же слова молившійся не понималъ смысла этой великой молитвы, исключая моленія о хлѣбѣ. «Проказывали» Тимоѳею «Отче нашъ» рабочіе по очереди, и часто «проказывавшій» въ срединѣ молитвы терялъ слѣдующее слово, останавливался, шепотомъ про себя начиналъ сначала, но черезъ четыре-пять словъ конфузливо умолкалъ, заявляя, что «про себя» онъ твердо знаетъ, а «проказывать» не можетъ. Долго Тимоѳей пользовался подсказываніемъ, но въ концѣ-концовъ одолѣлъ эту молитву—и ежедневно по утрамъ слышался великій завѣтъ Великаго Учителя, произносимый дѣтскими устами съ трогательной простотой. И по праздникамъ, когда рабочіе могли слышать, какъ Тимоѳей молится,

они простодушно радовались тому, что это они его научили.

— Молодчина Тимохъ! хвалили всѣ его по окончаніи молитвы и гладили по головѣ.

Много тоже грубаго и сквернаго мальчикъ слышалъ въ казармѣ и онъ часто говорилъ скверныя слова, не понимая ихъ значенія. Иногда рабочіе напивались пьяными, кричали, дрались, лѣзли съ кулаками къ Марѣ, тогда мальчикъ пугался и кричалъ несвоимъ голосомъ, чѣмъ обращалъ на себя вниманіе пьяныхъ.

— Ты, дурень, чего кричишь? говорили тогда ему. Ты не бойся. Ты молодчина: «Оче нашъ» знаешь! «Оче нашъ, хлѣбъ нашъ засушный дай намъ... вотъ; дай намъ, значить, хлѣбъ сухой... Говори, дурень: засушный... Ну, говори: засуш-ный.

— На-су-сны! всхлипывая, произносить Тимошей.

— Вотъ и молодчина.

II.

Незамѣтно, какъ незамѣтно появляется на головѣ первый сѣдой волосъ, который виденъ всѣмъ, когда онъ совсѣмъ уже сѣдъ, такъ же незамѣтно въ табунѣ экономи-

ческихъ мальчишекъ явился новый товарищъ Тимошей, когда у него явилась потребность въ общеніи съ себѣ подобными.

Ничѣмъ не занятая орда мальчишекъ похожа на воробьевъ: тѣ-же у нихъ крикливость, драчливость, желаніе разгрести, раскидать, разорить и такъ же, при первомъ окрикѣ, провинившись, они стайей куда то исчезаютъ на время, чтобы потомъ, когда минетъ опасность, явиться снова и продолжать начатое. Весною маленькіе разрушители отправлялись въ лѣсъ «выдирать» гнѣзда, и сороки, раньше другихъ пернатыхъ несущія яйца, нѣсколько дней послѣ нашествія летали по верхушкамъ деревьевъ, безпокойнымъ, жалобнымъ стрекотомъ оглашая полусонный лѣсъ. Лѣтомъ страдала экономическая конопля, въ которой мальчишки играли въ прятки. Появлялись въ саду плоды — сторожа проклинали жизнь: какъ разъ тогда, когда нельзя было ожидать, и именно тамъ, гдѣ никогда никому и въ голову не могло придти—оказывались струшенными яблоки или груши. Если ловили преступниковъ—жестоко пороли, рвали уши, но и преступники потомъ мстились меньшей жестокостью. Зимою старый дѣдъ, сторожившій гумно, тщетно пытался

на своихъ дрожащихъ, подогнутыхъ ногахъ догнать кого-либо изъ шустрыхъ плутовъ, пертившихъ скирды хлѣба и соломы. Часто въ экономическомъ дворѣ не досчитывались саней, которыя потомъ находили у рѣки спрятанными въ камышахъ.

Продолжалось такъ года два. За это время малыши подросли и число ихъ немногу стало уменьшаться: тѣхъ, у кого родители были побогаче, засадили за книгу, бѣднѣйшихъ — разсовали по мѣстамъ. Тимоѳея отдали въ подручные телятнику. Телятникъ, какъ и вообще почти всѣ пастухи, былъ лядашій мужикъ съ козлиной бородой. Выгнавши телятъ на пастбище, онъ или спалъ, или плелъ лапти. Отъ него Тимоѳеѣй научился дѣлать длинные пастушьи кнуты, узнавать по солнцу—время, по крику и полету птицъ—будущую погоду. Разговоры между телятникомъ и Тимоѳеемъ были преимущественно дѣлового содержанія.

— Ну, и телятка, чтобъ ихъ волки поѣли; ишь куда, ишь куда ихъ несеть! А не чтобъ вы «повыздыхалы»!—проклиналъ пастухъ телятъ, спокойно усѣвшись и принимаясь за лапотъ. — О! какъ разъ такъ: топчите, топчите панскіи хлѣбъ! А, проклятая скотина!